

ЮНОСТЬ

2

1968

СЕСТРЫ

Х А У Ф

Однажды, это было не так давно, с очередной почтой я получила письмо из редакции «Литературной газеты». Распечатав конверт, обнаружил внутри другой, оклеенный западногерманскими марками, со штемпелем «Штутгарт», адресованный через редакцию мне. Но прежде чем сообщить содержание письма, должен вас предупредить.

Дело в том, что в 1962 году я уже побывал в Западной Германии, куда летал за обнаруженными там неизвестными рукописями Михаила Юрьевича Лермонтова и его художественными работами, которые попали за Рейн еще при жизни поэта, когда его родственница и близкий друг Александра Михайловна Верещагина вышла замуж за немецкого дипломата Карла фон Хюгеля и навсегда рассталась с Россией. Это было в 1837 году. С тех пор Верещагина-Хюгель жила в Штутгарте и в замке Хохберг, близ Людвигсбурга. С собою она увезла свои девические альбомы, в которые вписывал стихи юный Лермонтов. Увезла письма Лермонтова. И посвященную ей поэму «Ангел смерти» и лермонтовские рисунки. Впоследствии Верещагиной передала на хранение лермонтовские рисунки и бумаги ее двоюродная сестра Варвара Александровна Лопухина, которую Лермонтов любил до последнего дня своей жизни. Так все это и осталось в Германии. В Германии Верещагина умерла и похоронена в Штутгарте.

В 1934 году, после смерти последнего владельца, в фамильном замке Хюгелей Хохберг была объявлена распродажа. И лермонтовские реликвии приобрел немецкий искусствовед профессор Мартин Винклер. К нему я и ездил осенью 1962 года в городок Фельдаффинг, около Мюнхена, узнав, что принадлежащие Верещагиной рукописи Лермонтова и его художественные работы перешли в собственность этого известного в Германии знатока русской культуры.

В доме профессора Винклера я увидел не только писанные рукой Лермонтова неизвестные нам стихи, не только акварельные рисунки его, не только картину, исполненную Лермонтовым масляными красками с настоящим искусством... Ученый показал мне три небольших старинных альбома из того же собрания, которые, однако, принадлежали не ему, Винклеру, а правнуку Верещагиной барону Вильгельму фон Кёнигу. В этих альбомах открылись писанные рукой Лермонтова начало баллады, посвященной мужу Александры Михайловны Верещагиной барону фон Хюгелю, под названием «Югельский барон»; неизвестное стихотворение Лермонтова «Послание»; неизвестная запись Лермонтова; неизвестный рисунок Лермонтова... Оказалось, что барон доктор Кёниг по просьбе профессора Винклера одолжил ему эти альбомы с тем, чтобы показать их мне...

С рекомендацией профессора Винклера я отправился из Мюнхена к барону фон Кёнигу в его фа-

Иракий
Андроников

мильный замок Вартхаузен, возле Ульма (это земля Баден-Вюртемберг, центром которой является Штутгарт). И, познакомившись с правнуком Верещагиной, получил возможность полюбоваться еще и акварельным рисунком Лермонтова, изображающим сцену из времен Отечественной войны 1812 года — стычку русских крестьян с французскими кирасирами. Там же, в замке Вартхаузен, я впервые увидел портрет самой А. М. Верещагиной — в музеях нашей страны ее изображения нет.

Все эти реликвии барон фон Кёниг разрешил сфотографировать и напечатать в советской прессе. Что же касается материалов профессора Винклера, то от него были получены оригиналы. Обо всем этом я рассказал в книге «Лермонтов. Исследования и находки», вышедшей в 1964 году, а также в ряде газетных и журнальных статей; некоторые были перепечатаны в западной прессе: шел юбилей Лермонтова.

И вот я получаю письмо из Штутгарта от неизвестной мне женщины, пересланное «Литературной газетой».

«Уважаемый господин Иракий Андроников, — начиналось это письмо, написанное по-русски. — Может быть, мое сообщение послужит хоть на малую пользу вашему делу — сборанию материалов о великом нашем поэте М. Ю. Лермонтове.

Года полтора тому назад я стала работать в новом бюро. Стала знакомиться с новыми коллегами. Рядом со мной за столом оказалась пожилая, маленькая, черненькая женщина, фройляйн Юлия Хауф. Она сразу же уловила мой иностранный акцент в немецком языке и спросила, кто я такая. Как всегда откровенно, я ответила, что я русская. «И во мне те-

чет русская кровь,— заметила фройляйн Хауф.— Моя прабабка была русская. Ее звали Александра Верещагина». Я так и привскочила на стуле, поверьте! Только накануне я прочла в одной из газет перепечатанную Вашу статью с сообщением о находках здесь, в Германии, в замках Вартхаузен, около Ульма, и в Хохберг, около Людвигсбурга, неизвестного доселе наследия Лермонтова! Я сейчас же рассказала фройляйн Хауф об этой статье и обо всем, что мне известно о Лермонтове. На другой день фройляйн Хауф принесла на службу и показала мне акварельный портрет своей прабабки. Он в овальной позолоченной рамке размером приблизительно 20 × 12 см. На оборотной стороне есть надпись выцветшими чернилами: «Александра Михайловна Верещагина, родилась тогда-то и там-то, ввечалась с бароном Карлом фон Хюгелем в русской посольской церкви в Париже тогда-то...» Фройляйн Хауф рассказала мне также, что у нее и ее младшей сестры Регины — обе они незамужние и живут вместе — сохранилось еще много вещей от прабабки. При Гитлере их преследовали как противников режима, хотя и пассивных. У них были состояние и дом — вилла в Штутгарте, которая является уменьшенной копией родового замка Вартхаузен. Сестры живут весьма небогато, приработывая — одна службой в бюро, другая, со сломанным бедром, шьет. Я спрашиваю себя: кому достанутся в случае смерти сестер эти наследственные вещи, вывезенные Верещагиной из России? Продадут ли их с молотка за гроши или они вообще исчезнут бесследно, как исчезло уже без следа многое ценное, хранившееся в замке Хюгелей Хохберг?.. Вот что, многоуважаемый господин профессор Андроников, хотела я Вам сообщить».

И подпись: немецкая фамилия и очень русские имя и отчество.

Весною 1967 года мне снова представилась возможность посетить Западную Германию. И я не удивлю вас, если скажу, что в первый же день по приезде в наше посольство в Бонне позвонил своей корреспондентке по ее штутгартскому телефону и услышал живой, взволнованный голос, чистую русскую речь, но уже с немецкими оборотами:

— Это вы, профессор Андроников? Да? Прошло много времени, и я уже не надеялась на ваш приезд, да? Как мы сможем увидеться, вы дадите ответ? Вы хотели бы побывать в Штутгарте? Я думаю, что мы сможем встретиться в воскресенье и я смогу повести вас к сестрам фройляйн Хауф. Они хотели бы познакомиться: я говорила о вас. Вы будете в машине? Да?..

Мы условились встретиться с нею в Штутгарте перед ратушей, мы — это сотрудница московского журнала «Иностранная литература» Лидия Александровна Сомова, с которой нам предстояли встречи с немецкими издателями и журналистами, секретарь советского посольства в Бонне Анатолий Иванович Грищенко вместе с женою и я.

Наша заочная знакомая — зовут ее Ольгой Николаевной — явилась минута в минуту. Это немолодая, интересная дама, еще совсем недавно, я думаю, блистательной красоты. Очень интеллигентная, оживленная встречей... В 30-х годах она вышла замуж за немца и уехала с ним из России.

Она села в нашу машину и, объясняя дорогу, топорливо рассказывала о зданиях, об улицах, по которым мы проезжали, пока мы не повернули на узенькую гористую улочку Штеллинвег и не остановились возле калитки, ведущей в изящный коттедж.

Здесь сестры Хауф получили квартиру после войны. Живут они... мало сказать, небогато. Фройляйн

Юлия Хауф вынуждена работать в бюро, ибо пенсия ее составляет 32 марки в месяц. Легко представить себе, как невелика эта сумма, если вспомнить, что советский человек, командированный в ФРГ, получает на питание не в месяц, а в сутки почти такую же сумму. Фройляйн Юлия Хауф — скульптор реалистической школы, но уже давно не выставляет своих работ: это направление немодно.

В квартирке уютно и чисто. И скромно. Сестры очень радушные, доброжелательные, тонкоинтеллигентные женщины. По-русски не говорят, но одну из них можно принять за русскую. Беседа вьется вокруг Лермонтова, их прабабки Александры Михайловны Верещагиной, советских литературных музеев, советских читателей, советской литературы, Советской страны, предыдущей моей поездки в ФРГ и реликвий, полученных от профессора Винклера и барона доктора Кёнига.

— Я мог бы познакомиться с вами еще пять лет назад, — говорю я, обращаясь к фройляйн Юлии Хауф. — Но мне никто не назвал тогда вашей фамилии.

Обе сестры улыбаются несколько смущенно и снисходительно.

— Наш прадед со стороны отца, — говорят они мне, — автор известных сказок, переведенных на многие языки. Это Вильгельм Хауф. Он был воспитателем другого нашего прадеда, Карла фон Хюгеля, и, по преданию, для него и сочинял эти сказки. Но, хотя перед фамилией Хауф и не стоит частичка фон Хауф, его имя, по-нашему, более знакомо.

Они полны воспоминаний о родителях, о бабушке Елизабет фон Кёниг, о родных. Мы рассматриваем семейные альбомы: все фотографии подписаны и датированы. На стенах — виды замков Вартхаузен, Хохберг. Портрет Александры Михайловны Верещагиной в старости. На основании записных книжек бабушки они составили перечень всей русской родни Верещагиной, среди которой я нашел несколько мне неизвестных имен. Но главное — те портреты, о которых говорилось в письме. Ольга Николаевна торопит.

— Вот они!

В золоченой овальной рамке молодой круглолицый немец с серьезным лицом — муж Верещагиной барон фон Хюгель, «Югельский барон», о котором, пародируя балладу Шиллера «Смальгольмский барон» в переводе Жуковского, Лермонтов писал:

До рассвета поднявшись, перо очинил
Знаменитый Югельский барон.
И кусал он, и рвал, и писал, и строчил
Письмецо к своей Сашеньке он...

В такой же золоченой овальной рамке под выпуклым стеклом старинный портрет — акварель с белыми на слоновой кости — в великолепной сохранности — Александра Михайловна Верещагина-Хюгель: лицо миловидное, умное, выразительное. Если вы посмотрите на третью страницу обложки этого номера «Юности», то увидите, какой была эта чудесная женщина, верный друг Лермонтова, раньше других разгадавшая в нем великий талант, его заботливая советница, тонкая ценительница его поэзии, знаток его нежной и трудной души. Это она — Верещагина — сумела впервые, пятнадцать лет спустя после гибели Лермонтова, напечатать по-русски «Демона» за границей: на родине не разрешала цензура...

Оба портрета сделаны, очевидно, сразу же после второго венчания в русской православной церкви в Париже — венчание по лютеранским законам происходило в Берлине. Значит, это 1837 год. Портретам по сто тридцать лет!

— Мы привыкли видеть их с детства, когда впервые стали подниматься в наших кроватках, — говорит фройляйн Юлия Хауф.

— Так мало осталось от прошлого, — продолжает фройляйн Регина. — Эти вещи нам бесконечно дороги.

«Они дороги, конечно, и в материальном своем выражении, — думаю я про себя. — Несколько сот долларов, наверное. Надо попросить разрешения сделать цветные фото. А о покупке можно будет повести переговоры потом, через посольство, когда я вернусь в Москву, и, показав фотографии в Министерстве культуры, поговорю обо всем».

— О, фотографии можно сделать цветные и очень хорошие! — заверяет меня фройляйн Юлия. — У нас есть знакомый фотограф. Он сделает очень точные копии. Только...

— Фотография потребует денег, — подсказывает наша посредница. — Это довольно дорого! Сколько? — обращается она к сестрам.

— О, наверное, семьдесят марок. Огромная сумма! Но...

Я выкладываю нужную сумму.

— Фотограф вернет все, до последнего пфеннига, сверх тарифа, — заверяет нас фройляйн Хауф. — Но, может быть, он должен выписать счет?..

— Да, счет нужен.

— Как неудачно. В воскресенье его ателье закрыто. Счет может быть выписан только завтра. Вам придется заехать снова!

— Вы не хотели бы купить эти портреты? Разве нет? — спрашивает Ольга Николаевна, наша посредница. — Я могу поговорить с ними.

— Не надо, — отвечаю я ей. — Я обойдусь пока фотографиями, а позже решим.

— Я могу намекнуть! Это же будет лучше, чем фотографии.

— Надо подумать, — уклончиво отвечаю я ей.

На следующий день мы снова встречаемся в прежнем составе в уютной комнатке гостеприимных сестер. Ольга Николаевна тоже здесь — на диванчике, на своем месте.

Фотографии готовы. Выполнены отлично. И вставлены в такие же точно рамки. Я готовлюсь принять... Фройляйн Юлия откладывает их.

— Нет, — говорит она. — Мы раздумали.

И совсем на другую тему:

— Вчера был незабываемый вечер!

— Мы ведь так мало видим людей, — добавляет фройляйн Регина.

— Четыре часа увлекательнейшей беседы. Столько интересного рассказала нам фрау Сомова. Она пояснила нам многое, о чем мы не знали. И господин Грищенко с его милой женой так были с нами любезны. И ваши рассказы, господин профессор, о Лермонтове, о нашей прабабке, о Москве того времени. И о современной столице.

— О! Мы находимся под большим впечатлением! — вторит сестра.

— Ольга Николаевна намекнула нам, что вы можете приобрести портреты, которые вам так понравились. Нас это очень смутило... Как назначить цену за то, что так дорого сердцу и памяти? Нет, есть вещи, за которые нельзя получать деньги. Это совесть. И то, что особенно дорого душе. Но мысль о том, что мы назначим цену, а она покажется вам слишком высокой и вы вынуждены будете назвать более скромную сумму и это смутит вас, опасение, что мы поставим вас в неловкое положение в благодарность за этот прекрасный вечер, окончательно убедили нас, что мы не должны продавать эти вещи! Мы дарим их вам! Передаем для Лермонтовского музея, который должен открыться в Москве, в доме, где

Лермонтов так часто беседовал с нашей прабабкой. Вы говорили вчера, что в музее эти портреты будут видеть тысячи глаз, а нас... только две пожилых женщины. После нас это никому не будет ни интересно, ни дорого. Вы столько знаете про Верещагину, сколько даже мы не знаем о ней. В вашей стране столько сделано для того, чтобы она заняла свое место в биографии Лермонтова, что ей, по существу, обеспечена ныне бессмертная жизнь. Пусть она вернется в Россию, откуда уехала сто тридцать лет назад. И пусть с ней отправится тот, ради кого она покинула Москву и друзей, потому что слишком любила. Конечно, нам грустно будет без этих портретов. Мы к ним так привыкли. Но мы оставим себе фотографии, а оригиналы вы увезете с собой. Не предлагайте нам денег, не нужно... Когда вы будете в Москве отдавать эти портреты в музей, скажите, что две немецкие пожилые женщины просят принять их в знак того, чтобы не было споров между нашими народами. И не было разногласий между нашими государствами. Возьмите!

— Как я завидую ей, — сказала Ольга Николаевна, улыбаясь, но взволнованная до глубины души.

— Завидуете? Кому?

— Верещагиной!

С благодарностью взял я эти золотые портреты и положил в свой портфель, впервые возмев к нему глубокое уважение.

— Счастливого пути этим картинкам, — с улыбкой говорили нам сестры Хауф, прощаясь.

В Бонне я показал подарок послу Семену Константиновичу Царапкину.

— Попросите Константина Александровича Федина как главу Союза писателей, — посоветовал он мне, — и попросите Екатерину Алексеевну Фурцеву обратиться с письмами к сестрам Хауф. Вы перешлете их нам, а мы отправим в Штутгарт кого-нибудь из наших сотрудников, который им эти письма вручит в присутствии официальных лиц или даже, может быть, прессы. Надо оказать уважение: хорошие женщины!

По приезде в Москву, прежде чем отнести портреты в Литературный музей с условием о передаче их со временем в музей Лермонтова, я записался на прием к министру культуры СССР.

— Разумеется, мы отправим письмо, — сказала Екатерина Алексеевна Фурцева, выслушав эту историю и очень довольная. — Но этого мало. Раз уж они отказались от денег, надо послать им подарков — побольше, поинтереснее!.. Чтобы выразить им признательность за щедрое приношение, за добрые чувства, которые они выразили по отношению к нашей стране. И Федина попросите подписать письмо с благодарностью. И не откладывать эту посылку надолго, — говорила она, обращаясь к одному из своих помощников. — Надо послать сейчас же, с группой Большого театра, которая едет на днях!

...Пакет Министерства культуры и оба письма получены в Бонне, отправлены в Штутгарт и вручены. Об этом пишет мне славный и умный, образованный и блестяще воспитанный Грищенко Анатолий Иванович, вспоминая наше совместное путешествие в Штутгарт и знакомство с сестрами Хауф.

Обстановка в ФРГ сейчас непростая: на улицах некоторых городов мы встречали бойких субъектов из неонацистской партии, которая рвется к распорядительным креслам в ландтагах. Они совали нам в руки свои предвыборные листовки. Но, как видим, можно встретить в Федеративной республике и других — благородных и прогрессивных людей. Будем думать, что это не одни сестры Хауф!